

Мария
Бершадская

Большая маленькая девочка

12 историй про Женю

Книга 2

ИЗБРАННОЕ

КомпасГид

издательский дом

КомпасГид. Избранное

Мария Бершадская
**Большая маленькая
девочка. Книга 2**

ИД "КомпасГид"

2013-2022

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2Бей =411.2)-44

Бершадская М.

Большая маленькая девочка. Книга 2 / М. Бершадская — ИД
"КомпасГид", 2013-2022 — (КомпасГид. Избранное)

ISBN 978-5-00083-832-7

Жене семь лет. Она большая или маленькая? Кто знает! А вот рост у девочки точно большой: целых два метра, выше самого высокого баскетболиста. Но это не так уж и важно. Ведь Женя удивительная вовсе не поэтому, а потому что точно знает, как сделать каждый день необыкновенным. Узнать что-то новое об окружающих (например, как Будущий Мишкин Дедушка спас будущую Бабушку от индюка), смастерить волшебный мешочек радости, научиться заплетать волосы в «лучи любви», а ещё - найти себе занятие на каникулах, заработать первые деньги и перестать быть самой младшей в семье. В милых и добрых историях, каждая из которых соответствует месяцу года, Мария Вернадская рассказывает о том, как живётся, когда ты вроде и маленький, а вроде уже и большой. И не имеет значения, какого ты при этом роста. «Большая маленькая девочка» Марии Бершадской с чудесными иллюстрациями Саши Ивойловой выходила в «КомпасГиде» двенадцатью маленькими книжками и стала одним из самых популярных детских книжных сериалов: совокупный тираж всех изданий превысил 60000 экземпляров. О приключениях первоклассницы Жени знают даже в Чехии и Вьетнаме, а в России истории о ней неизменно отмечают наградами. Портал «Пампамбук» признал «Большую маленькую девочку» лучшей книгой 2013 года, а в 2014-м она победила в конкурсе «Книга года: выбирают дети» в номинации «Выбор детей 1 класса». По многочисленным просьбам читателей мы возвращаемся к Жене и её друзьям. Во второй книге собраны истории с седьмой по двенадцатую.

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2Бей =411.2)-44

ISBN 978-5-00083-832-7

© Бершадская М., 2013-2022

© ИД "КомпасГид", 2013-2022

Содержание

История главная	7
История седьмая	9
История восьмая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Мария Бершадская
Большая маленькая девочка
12 историй про Женю
Книга вторая

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Мария Бершадская, текст, 2013–2014

© Ивойлова А. В., иллюстрации, 2013–2014

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2022

История главная Про меня

Меня зовут Женя. Мне семь лет. В нашей семье я самая младшая. Даже такса Ветка старше меня на целый год.

Надо попросить, чтобы мне подарили хомячка или рыбку. Хотя бы для них я буду взрослой! И я, самая маленькая в семье, – большая. Очень, **ОЧЕНЬ** большая.

Я родилась самой обычной девочкой. Но почему-то росла очень быстро. Мне рассказывали, что за ночь я **ТАК** выростала, что кофточка с длинными рукавами, в которой меня укладывали спать, к утру казалась на мне крошечной маечкой.

К счастью, сейчас я уже перестала расти.

Но мне всё равно трудно бывает понять, какая я – маленькая или большая.

Когда я прошу у Ани послушать её музыку в плеере, она говорит, что я не пойму, потому что я ещё маленькая.

А когда я не хочу собирать перед сном конструктор, мама говорит, что глупо капризничать, потому что я уже большая.

Получается, что я – Большая Маленькая Девочка.

Вообще я точно такая же, как все другие семилетние девочки. Терпеть не могу, когда меня разглядывают или считают какой-то особенной.

Я умею чистить картошку так, чтобы шкурка превращалась в тонкие длинные ленточки. Умею пришивать пуговицы – почти так же красиво, как папа.

Папа говорит, что у каждого человека, даже если он уже вырос, есть ещё какой-то **ВНУТРЕННИЙ РОСТ**. Я понимаю, как растут цветок или огурец, – их нужно поливать. А что нужно делать для этого роста, который внутри, я не понимаю. Гулять под дождём? Петь песни? Есть какую-нибудь полезную гадость?

Может, внутри меня растёт невидимый и удивительно прекрасный огурец. И с каждым днём он становится больше. Это было бы здорово, я люблю огурцы!

А ещё я люблю рассказывать разные истории.

Наверное, мой ВНУТРЕННИЙ ОГУРЕЦ от этих историй – растёт. Главное, чтоб он не вымахал СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ.

Потому что со мной всё время случается что-нибудь интересное.
Вот, например...

История седьмая

Грустный радостный праздник

– Вот увидишь, никаких подарков не будет, – сказала Анька.
Я заткнула уши. Завтра чтение, надо выучить стих:

– Скоро, скоро Новый год,
Новый снег и новый лёд...

Я читала громко, на всю комнату. Но Анька всё равно до меня докричалась:

– Никаких подарков. Потому что снега – нет!

– Я тебя не слушаю!!!

– Ну и не слушай, – фыркнула Анька. – Все это и так знают. Даже дошкольники.

Никогда не понимаю, серьёзно она говорит или дразнится. Я могла бы спросить об этом у мамы. Но она уехала в командировку и вернётся через одиннадцать дней.

А вдруг Дед Мороз и правда находит нас по следам на снегу, потому что он уже старенький и плохо помнит наши адреса? У меня на подошвах – плюсики. Можно подумать, там писали длиннющий пример, а цифры потеряли. С такими ботинками он бы меня сразу нашёл. Тем более что мои следы – самые большие.

Только снег до сих пор так и не выпал.

И если Анька не врёт, мы все останемся без подарков.

Каждое утро я бежала к окну и видела одно и то же: тёмное небо, тёмная земля, жёлтые фонари. Снега не было.

Я считала: ещё две недели, три дня – и Новый год.

В тетрадке для математики я рисовала снежинки. У каждого дня была своя страница, и к вечеру я устраивала там настоящую метель.

Голубой фломастер уже почти не писал. Хорошо, если б Мишка тоже завёл такую волшебную тетрадку. Может, это бы помогло.

Но Мишку я почти не видела. В школе он проскакивал мимо, здоровался на бегу. Даже голову не поднимал, будто говорил «привет» моему синему платью. У меня накопилась целая куча новостей, и я таскала их за собой, как тяжеленный рюкзак, набитый учебниками на всю неделю – от понедельника до пятницы. Даже плечи стали болеть!

Один раз Мишка чуть не врезался в меня в тёмном коридоре возле спортзала. Я обрадовалась: теперь-то мы сможем поговорить.

А он буркнул:

– Здравствуй... – и помчался догонять каких-то девчонок в розовых штанах.

Жалко, что физрук уже забрал у нас мячи. Я бы точно попала в Мишку. Но у меня был только мешок с кедами. Какой от него толк?! Мишка убежал. А я поплелась на математику.

Я мучилась несколько дней, а потом решила – надо просто подойти и спросить.
Если Мишка передумал со мной дружить, пускай так и скажет.

Я отловила его в столовой и сразу поняла: никакого разговора не получится. Он опять сделает вид, что страшно занят.

Анька бы не торчала, как дерево, перед каким-то ушастым третьеклашкой. Она бы гордо развернулась и ушла. Ещё и сказала бы что-нибудь обидное.

Я так и хотела. Но тут случилась очень странная вещь.

Мои ноги шагнули навстречу Мишке, руки наклонили тарелку, вишнёвое желе соскользнуло, пролетело в воздухе и приземлилось на чёрный Мишкин ботинок. Шлёп. Даже не развалилось! Если бы я тренировалась полгода, у меня не получилось бы круче.

Вот теперь Мишка меня ЗАМЕТИЛ. Он стал красный и затрясся – прямо как желе на ботинке!

– Ты что, обалдела?! – заорал он.

«Так, развернуться и гордо уйти», – подумала я.

Но вместо этого задала вопрос, который вертелся в моей голове все эти дни:

– Мишка, ты мне друг или нет?

– Я?.. – растерялся Мишка.

Он покраснел ещё больше. Сжал кулаки, уставился на свои ботинки. Вернее, на это несчастное желе. И вдруг... заржал. Ну просто как лошадь в цирке.

– Друг... Конечно, друг. Не видно, что ли?!

Маты в спортзале были ужасно пыльные. Мы всё время чихали – Мишка начинал, я подхватывала.

– Понимаешь, я не с тобой... Апчхи. Я вообще ни с кем не хотел разговаривать. А сам говорил уже полчаса не переставая. Мы разобрали стопку матов. Я плюхнулась на один, а Мишка забрался на остальные – и получилось, что мы одного роста.

– Я думал, в больнице дедушку вылечат. А он уже месяц дома и всё равно не встаёт. И есть не хочет. На той неделе тётя Оля пришла, дедушка обрадовался – вот, всех дочек собрал... А пироги даже не попробовал...

– А с чем пироги были?

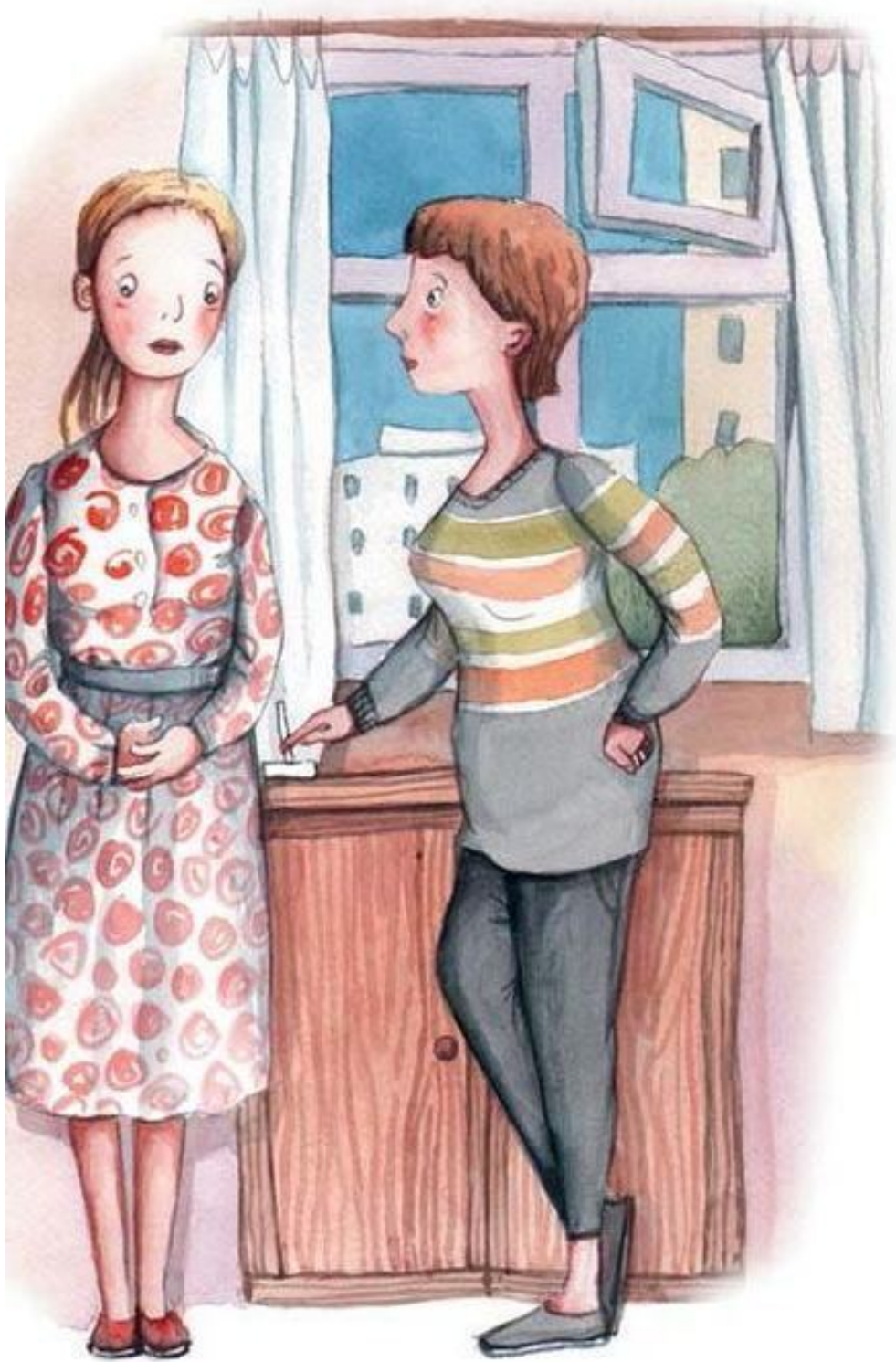
– С мясом. И ещё с вареньем.

– С ума сойти! – В животе у меня забурчало. Всё-таки надо было не жадничать и купить себе второе желе.

– Дедушка уснул, а мама с тётей Олей курить пошли. Они на кухне форточку открывают и в окно курят, чтоб дым на улицу летел.

– Зачем? – удивилась я.

– А то дедушка ругается. Ну вот... Они с тётей Олей даже свет не включали... Курили и разговаривали. А я просто хотел посмотреть, будет привидение из киндера в темноте светиться или нет. Я же не специально подслушивал. Просто... услышал.

Мишка отвернулся и замолчал. Я долго смотрела, как он старается, выковыривая нитки из мата... Но мы же не для этого сюда пришли! Я подёргала его за рукав:

– Миш, я ничего не поняла. Что услышал?

– Что дедушка до Нового года не доживёт. Вот что.

Бух. Моё сердце провалилось куда-то в живот.

– Как это?!

– У него этот... рак. Я знаю, от него умирают.

Такое короткое злое слово с острыми клешнями. Рак. Вцепился в Мишкиного дедушку и не отпускает.

– Что же теперь делать? – спросила я.

– Откуда я знаю! – заорал Мишка. – Ничего не делать! Ни-че-го.

Мишка лежал, уткнувшись лицом в пыльный мат.

А я сидела – и ничего не делала. Даже не шевелилась. Мне хотелось дотронуться до него.

Или что-то сказать. Но я боялась, что ляпну какую-нибудь глупость. Я ведь не знаю, как нужно... поэтому я просто пыхтела рядом.

В дверь заглянул Королёв. Мишку он не заметил. Зато сразу увидел меня и захихикал:

– О, инопланетянка! Ты чего тут торчишь?

– НИЧЕГО! – мы с Мишкой рывкнули это одно временно. Можно подумать, что стоворились.

– Я Маргарите Романовне скажу, – занял Королёв.

Мы с Мишкой переглянулись.

Хорошо, что у нас в школе продают вишнёвое желе.

А то как бы я выяснила, что Мишка мне настоящий друг?

Дома было пусто. Аня ещё в школе, папа вернётся вечером. Я бродила по квартире.

Накрасила губы Анькиной помадой – и сразу же стёрла. Поковыряла тюбик с клеем. Заглянула в кастрюлю на плите. Ну вот, опять курица...

Тут я вспомнила, что обещала папе закончить уроки до ужина. Я вытряхнула из рюкзака тетрадки. Задача не решалась, буква «Ы» в прописи получилась какой-то кривой... Ничего не хочу!

И тут я поняла, ЧТО мне надо делать.

Когда идёшь к больному, нужно принести ему что-нибудь вкусное. Я сунула в пакетик три мандаринки, яблоко и солёный огурец. Как-то маловато... Может, заглянуть в жестянку с кофейными леденцами, которая лежит у Ани в шкафу? Думаю, она бы ТОЧНО разрешила взять две штучки для дедушки. А себе я не стала брать – чтобы всё было честно!

В дедушкиной комнате пахло чем-то новым. Какой-то сухой и горькой травой.

– Вот, это вам.

Я села. Старое кресло оказалось для меня слишком низким, но я была рада спрятаться за коленками.

Дедушка лежал на диване. Он стал совсем худым... даже каким-то плоским. Таким, как цветы, которые Анька сушила всю осень между страницами энциклопедии. Его почти не было видно под тёплым оранжевым одеялом.

– Спасибо, – дедушка улыбнулся и достал из пакетика мандарин. Отковырнул шкурку, растёр между пальцами, понюхал. Потом вытащил кофейный леденец – и даже зажмурился от удовольствия.

– Вы попробуйте! Мама говорит, если его не грызть, а сосать, получается как настоящий кофе.

– Не хочу, – дедушка помотал головой, прямо как детсадовец перед ложкой супа. – Я теперь не ем, а нюхаю. Кофе, мандарин... Даже у снега свой запах, ты знаешь? А мы его в детстве ели, да... Вместо мороженого. Я его сахаром пробовал посыпать... – Дедушка подозрительно покосился на Мишку и добавил: – Но это раньше было. Сейчас так делать нельзя!

– А ещё книжки новые вкусно пахнут, – задумчиво сказал Мишка.

– И новые ботинки! – быстро ответила я.

– И жареный лук!

– Лук? Фу-у-у! Лучше корзинка для грибов!

– Дождь!

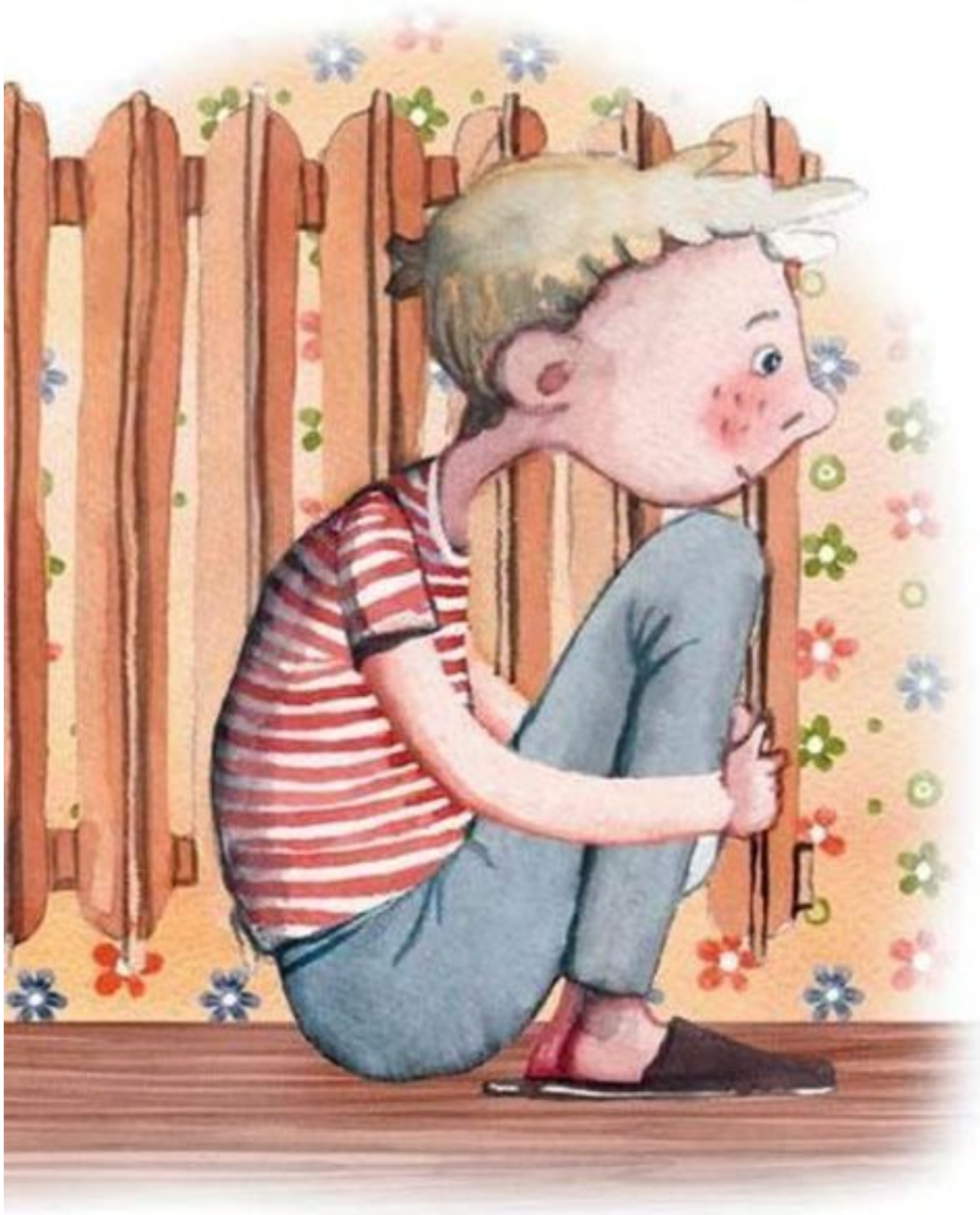
– Ёлка! В прошлом году дедушка привозил – прямо до потолка. Она, когда согрелась, даже смолой чуть-чуть пахла. И шишка ми. Помнишь? – Улыбающийся Мишка повернулся к дедушке и за молчал. Улыбка выключилась, как свет: раз – и нету.

Я так и не поняла, что случилось. Мишка просто встал и вышел из комнаты. Я чуть-чуть посидела и сказала:

– Кажется, там чайник закипел... ага. Давно уже. Я... это... пойду, помогу Мишке выключить.

Наверное, дедушка подумал, что я дурочка. Но я же не могла уйти и ничего не сказать!

Мишка сидел на полу у батареи. Вид у него был совсем несчастный – ещё чуть-чуть, и разревётся.

– Жень... Я... предатель.

– Какой ещё предатель?!

– Ты просто не знаешь. Мама сказала: мы Новый год праздновать не будем. Какие тут ёлки-шарики, если дедушка болеет. У нас горе, а я веселюсь... ещё и про ёлку вспомнил... Вот я и получаюсь предатель.

– Не-а, не получаешься. Дедушка тоже радовался, когда с нами разговаривал. Ты, может, не заметил, а я СВЕРХУ смотрела, как он улыбается. А если ему тоже праздника хочется?! А все вокруг только вздыхают.

Мишка нахмурился. Вздохнул.

– Ну вот видишь! – сказала я.

Теперь я знаю, как человек думает. Он пыхтит, морщит лоб, чешет нос... Мишка даже вспотел. Наконец он вздохнул и сказал:

– Значит, Новый год?

– Ага.

– А мы сможем?

– Ещё как!

– Что, и ёлка будет?

– Конечно!

– А подарки?

– Мишка, я даже знаю какие...

Я хотела рассказать про свою идею, но не успела, потому что дедушка зазвонил в колокольчик. Это Мишкина мама придумала такую хитрую штуку: голос у дедушки стал тихий, зато колокольчик слышно даже из другой комнаты.

Надо и мне сделать что-то похожее. А то зовёшь-зовёшь – все заняты. А когда мы с Веткой ТИХОНЬКО сидим и занимаемся чем-то интересным, кто-нибудь обязательно придёт и всё испортит.

Мы напоили дедушку чаем, а потом устроили ему прогулку. Мишка отыскал в шкафу самую тёплую шапку с длинными ушами и притащил два одеяла.

– Человеку необходим свежий... как это по-научному – кислород! – сказал Мишка и приоткрыл окно.

Хорошо ему говорить: он сразу же закутался в куртку. А у меня стали отмерзать уши и пятки.

– Мишка, д-д-давай уже сделаем кислород не таким свежим. Или д-д-добудь мне в-в-варежки. И в-в-валенки.

– Ну да! – хмыкнул дедушка. – Сейчас ещё попробуй найди правильные валенки. Чтобы крепкие были. А если надо – чтоб и летали хорошо.

Мы с Мишкой переглянулись. Наверное, этот кислород СЛИШКОМ свежий, вот и подействовал на дедушку так странно.

Мишка захлопнул окно.

– А мне, между прочим, валенки и влюб ви помогли, – сказал дедушка.

– Как это? – удивился Мишка.

– А вот так... Валенки и ещё... пионеры... Если бы не они, я, может, и не влюбился бы в мою Мариночку...

– А кто такая Мариночка? – спросила я.

– Мариночка – это моя бабушка. А кто такие пионеры?

Ну, это просто – сейчас я Мишке всё объясню. Как раз вчера по телевизору показывали старый фильм. Правда, я смотрела его только последние пятнадцать минут, а потом заиграла красивая музыка, поезд уехал и всё кончилось. Но самое главное я поняла.

- Мишка, пионеры – это... специальные школьники такие. Они ходят строем, и у каждого – красная косынка на шее. А ещё... кажется, они всем помогают.
- Ну да, – согласился Мишка. – Даже дедушке влюбиться помогли.

Дедушка лежал и улыбался. Я вдруг увидела, как они с Мишкой похожи. И уши у них торчат одинаково.

– Ну вот, приехал я однажды на выходные домой... – начал дедушка, устраиваясь поудобнее.

Он рассказывал – и я всё видела...

Если когда-нибудь я захочу стать писательницей, можно будет не мучиться: я уже ТОЧНО знаю, про что будет моя первая книжка. Я расскажу про дедушку, Мариночку и пионеров... У меня даже название есть.

Толстая книжка про настоящую любовь

Давным-давно Будущий Дедушка был студентом и учился в городе.

Однажды весной он приехал в деревню к родителям. Они жили в двухэтажном доме. Квартиры там были совсем крошечные, но все жители деревни этим домом очень гордились. И место, где стоял единственный двухэтажный дом, называли Площадью. На Площади сделали красивые клумбы с цветами, построили школу и магазин. Так что со второго этажа Будущий Дедушка видел всю деревню.

Светило солнце. Дедушка ел варенье прямо из банки и красил балкон.

А на школьном дворе Будущая Бабушка учила пионеров ходить строем и поворачиваться направо, налево и кругом, не наступая друг другу на пятки. Будущий Дедушка так засмотрелся на Будущую Бабушку, что закапал вареньем всю майку – и даже не заметил этого. Потому что Будущая Бабушка

была прекрасна. У неё были рыжие волосы, очень короткая юбка, блестящие колготки и туфли на высоком каблуке.

– Кто шагает дружно в ряд? Пионерский наш отряд!

– Кто шагает дружно в ногу? Уступайте нам дорогу!

У пионеров никак не получалось прокричать это одновременно – кто-нибудь обязательно сбивался или путал слова.

И тут появился грузовичок с продуктами для магазина.

– Мороженое привезли!!! – вот теперь пионеры закричали по-настоящему дружно!

Они повернулись направо и смотрели, как продавщица Валентина выгружает коробки. И никто не хотел поворачиваться налево и кругом.

Но Будущая Бабушка была не только красивой. Она была ещё и умной. Она понимала, что голодные пионеры не смогут хорошо ходить строем. Поэтому она решила купить мороженое – на всех!

Цок-цок-цок – стучали Бабушкины каблочки, когда она шла к магазину.

Тук-тук-тук – стучало сердце Будущего Дедушки, когда он смотрел на неё с балкона.

– Туру-ру-ру! – затрубил горн.

Это двоечник Николаенко решил порадовать любимую учительницу. Она уже неделю учила его трубить, а у него никак не получалось. И вот – получилось. За одну минуту двоечник Николаенко исполнил свою мечту... Даже три мечты: порадовал учительницу, напугал третьеклассницу Зябликову и разбудил индюка.

Этот индюк был грозой деревни. Его боялся даже директор школы. А бабки прозвали грозного индюка Гитлером – за то, что со всеми воет. Гитлер не любил собак и детей. Он ненавидел громкие звуки, а больше всего не выносил женщин в коротких юбках и блестящих колготках.

И вот Гитлер проснулся от громкого звука. Услышал, как шумят дети. А потом увидел НОГИ.

Цок-цок-цок – стучали каблучки.

– Фир-фир-фир-р-р! – заклокотал индюк и кинулся догонять ноги в блестящих колготках.

– Марь-Антонна, беги-и-ите!!! – заорали пионеры.

Будущая Бабушка была не только красивой и умной. Она была ещё и быстрой. Она повернулась налево, направо и кругом. Увидела индюка. И побежала.

На высоких каблуках от индюка не спастись, поэтому она скинула туфли.

Но индюк всё равно бегал быстрее. Разве можно спокойно стоять, когда за прекрасной девушкой гонится воинственное чудовище с крыльями и крепким клювом?! Дедушка метался по балкону и размахивал валиком с краской, как рыцарь мечом.

– Кыш! Пошел вон!!! – кричал Будущий Дедушка. Но индюк продолжал щипать и клевать убегающие ноги. Блестящие колготки давно порвались, а он всё не унимался...

Будущий Дедушка не мог спрыгнуть с балкона и спасти Будущую Бабушку. Он не мог схватить ружьё и застрелить индюка, потому что никакого ружья у него не было. За то у него были... валенки. Огромные валенки с калошами стояли на балконе – рядом с лыжами и чемоданом. Дедушка вспомнил, что в детстве он всегда был чемпионом по игре в снежки. И понял, КАК спасти Бабушку. Какая разница, ЧТО бросать? Главное – прицелиться, замахнуться и метнуть.

Бросок – и валенок настиг индюка.

– Фир-р-р-фюн... – Индюк поперхнулся и рухнул на землю.

Здесь Дедушке стоило бы спуститься вниз, вытереть Будущей Бабушке слёзы и сказать, что он будет защищать её всю жизнь.

Но Гитлер махнул крылом. И Дедушка решил метнуть второй валенок, чтобы окончательно победить индюка.

Бросок! Валенок пролетел над индюком и... врезался в Будущую Бабушку.

Тут история про НАСТОЯЩУЮ ЛЮБОВЬ могла бы закончиться навсегда.

Но Будущая Бабушка была не только умной, красивой и быстрой.

Она была ещё и смелой.

Поэтому, когда Будущий Дедушка пригласил её в кино, она ответила...

– Что же она ответила? – спросила я дедушку.

– Хр-р-р, – сказал дедушка.

Кажется, он устал рассказывать такую длинную историю, потому что вдруг взял и заснул. Мишка хмыкнул.

– Ну а ты как думаешь, что можно было ответить? Конечно, она ответила ДА!!!

Мишка решил проводить меня до квартиры, но мы не успели обо всём договорить. Пришлось опять спуститься на первый этаж – и снова подняться ко мне.

– Значит, марлю ты берёшь у своего папы? – спросил Мишка.

– Ага.

– А что в подарки положим?

– Завтра вместе придумаем!

Я перешагивала через четыре ступеньки, а бедный Мишка, пыхтя, семенил рядом со мной. И тут мне в голову пришла ужасная мысль. Я даже остановилась.

– Мишка, а как же ёлка?

Легко сказать – не будем ждать праздников и САМИ устроим дедушке Новый год. Я совсем забыла, что настоящую ёлку можно будет купить только через неделю... А в магазинах продают скучные, пластмассовые, с противным запахом... И что же нам теперь делать?!

– Подумаешь, проблема, – фыркнул Мишка. – Ёлки привозят откуда? Из леса. Если ёлка не может приехать к нам, значит, мы сами поедem к ёлке.

На следующий день мы встретились после уроков.

– Лучше домой не заходить, – сказал Мишка, – сегодня тётя Оля у дедушки дежурит.

Она меня кормить начнёт, а потом за домашку засадит. Пока выберемcя – уже темно будет.

– Мишка... а можно... ну, как-нибудь так, чтобы в лес не ехать?

Мишка внимательно посмотрел на меня.

– Боишься?

– А если заблудимся?

– Ну мы же не за грибами поедem, – хмыкнул Мишка.

Наверное, решил, что я трушу.

Ну и что?!

Любая девочка испугается, если её заставят бродить по чёрному зимнему лесу. Даже если эта девочка сама ростом с ёлку.

– Да я уже всё придумал, – успокоил меня Мишка. – Мы с автовокзала доедем до какой-нибудь деревни... недалеко, главное, чтоб лес прямо у остановки был. Наломает веток – и сразу домой.

Автобус был такой маленький, что я всё время стучалась головой о потолок.

Поворот – бум-м-м. Горка – бум-м-м.

Каждый раз носатая старушка, сидевшая перед нами, оглядывалась и задавала новый вопрос:

– А чего вам у нас в Азаровке надо? А ветки еловые вам зачем – продавать, что ли, надумали? А подружка твоя чего длинная такая – болеет чем?

– Ну, если болеет, так не заразная – ты на него посмотри! – хмыкнул дядька в шапке-ушанке и подмигнул Мишке.

Ага – сто первая шутка про мой рост.

И опять не смешно.

Автобус подпрыгнул на повороте.

Бум-м-м. Старушка радостно обернулась:

– А где...

Автобус помчался с горки так быстро, что старушка заохала и покрепче обняла сумку. Но было уже поздно.

Бум-бум-бум... Сумка накренилась, и консервные банки со стуком покатались по грязному полу.

– Кому там в Азаровку? – крикнул водитель. – Вылезай, приехали!

Лес начинался прямо у остановки. Он был похож на картинку, нарисованную ручкой в тетрадке: тонкие чёрные деревья, белое небо, чёрная земля. Ну и холод! Ледяной ветер обдирал лицо и уши, колючий, как металлическая мочалка для сковородок. Неужели в этом лесу ещё недавно всё чирикало, летало, росло? Сейчас в нём не осталось никакой жизни.

Даже тесный и душный автобус был в сто раз лучше, чем этот мёртвый лес.

– Смотри, вот подходящая ёлка, – крикнул Мишка, – беги сюда!

Большие пушистые ветки росли высоко, но я могла дотянуться.

Правда, оказалось, что добыть их совсем не просто. Ветки замёрзли. Они гнулись, кололи мне лицо и руки – но никак не отламывались.

– Мишка, я варежки в школе забыла!

Хорошо, что за спиной у Мишки болтался пакет для физры. Я замотала спортивными штанами ладони, подпрыгнула и повисла на ветке.

– Шас я тебя утяжело! – Мишка обхватил меня за ноги, ветка затрещала...

Хруп! Мишка упал на землю, я упала на Мишку, а колючая ветка свалилась на меня.

– Ну вот... – проворчал Мишка, растирая ногу, – я тебе помогаю ёлку победить – и никакой благодарности! Одни синяки.

Я отряхнула иголки с коленок.

– Вставай, Мишка, а то уже поздно. Мне Ветку выгуливать пора.

– А ты что делаешь? – захихикал Мишка. – Ты целый букет веток выгуливаешь... Вот они нагуляются – и поедем домой. Через полчаса обратный автобус!

Мы успели вернуться до темноты. Даже папа ещё не приехал с работы.

Я хотела поставить еловые ветки в большую банку, но они были слишком тяжёлые и всё время падали. На четвёртый раз Мишка не стал вытирать воду с пола, а просто собрал её полотенцем, завернул в него наш букет и засунул ко мне на балкон.

Мишка ушёл. Я хотела рассказать Аньке про дедушку, но она пробормотала:

– Подожди, подожди, я сейчас... только сообщение отправлю...

И снова застучала по клавиатуре.

Знаю я это «сейчас». Хорошо, если через полчаса про меня вспомнит.

Я достала свою волшебную тетрадку и нарисовала снежинки за сегодняшний день. Целый лист голубых снежинок. Потом подумала и добавила ряд на завтра.

Может быть, ЭТО поможет?

Хорошо, что дети в субботу не учатся.

Но ещё лучше, что некоторые взрослые в субботу работают.

Я даже не стала тратить время на завтрак. Достала с балкона замёрзший еловый букет, запихнула в карманы марлю и две мандаринки.

Ветка так жалобно заскулила, что я решила и её прихватить. Чего ей сидеть одной дома? Пусть погостит у Мишки.

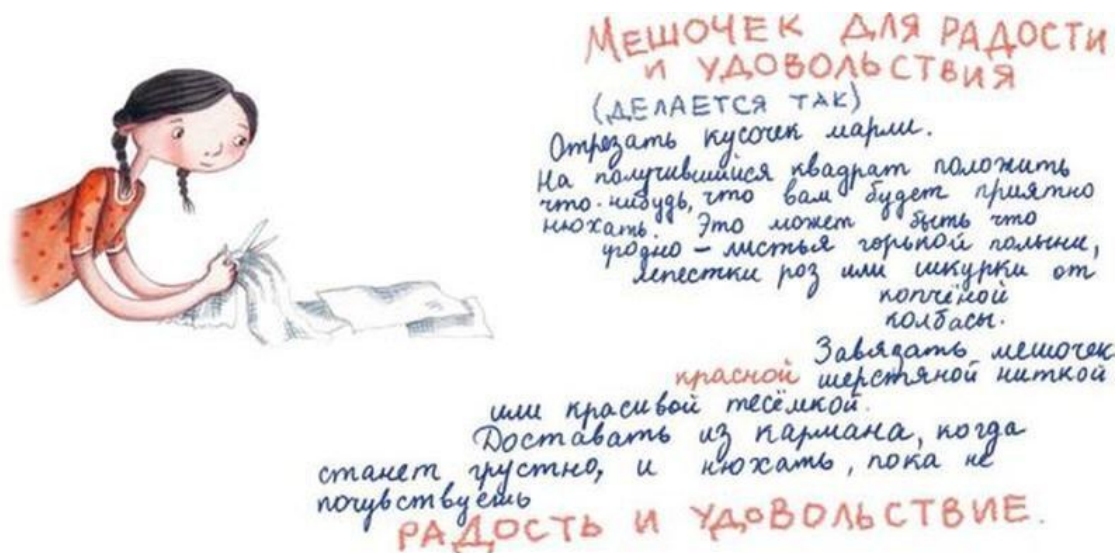
– И сколько у нас будет подарков? – спросил Мишка.

Мы сидели на кухне. Я резала марлю на квадраты, Мишка отковыривал шкурку от мандарина и складывал на блюдечко. Ветка лежала у табуретки и ждала – вдруг со стола упадёт что-нибудь вкусное.

– На двенадцать мешочков у нас марли точно хватит. Давай придумывать, что мы туда положим.

Кусочек марли упал вниз, и Ветка тут же цапнула его зубами.

– Лучше сразу считать, что на десять, – хмыкнул Мишка, покосившись на Ветку. – Десять Мешочков для Радости и Удовольствия... А что – звучит!

Что будет в первых мешочках, мы придумали сразу.

Мешочек первый: *молотый кофе.*

Раньше дедушка выпивал большую чашку каждое утро – без молока и сахара.

Мешочек второй: *шкурки от мандарина.*
Это и так понятно – они пахнут праздником.

Мешочек третий: *хвоя.*
Мы собрали иголки с нашего елового букета, а чтобы мешочек не был слишком колючий, Мишка нарезал иголки ножницами.

Мешочек четвёртый: *древесные стружки.*
Это Мишка придумал принести их из кабинета труда, потому что до пенсии дедушка работал столяром и делал мебель.

Мешочек пятый: *бабушкины духи.*

У дедушки в шкафу хранился флакончик с её любимыми духами, про которые Мишка почему-то сказал, что это – Шинель. Там даже осталось немножко, на самом доньшке. Я смочила этой Шинелью кусочек ваты, и Ветка сразу начала чихать.

Мешочек шестой: *масляная краска.*

Дедушка любит рисовать, значит, запах масляной краски ему тоже нравится.

Мы с Мишкой немного поспорили, каким цветом лучше мазнуть на кусочек джинсовой заплатки. Я хотела оранжевым, а Мишка – синим. Он сказал, что синяя краска пахнет лучше. Я подумала... и решила с ним согласиться.

Мешочек седьмой: *жареная картошка с чесноком.*

Это – любимая дедушкина еда. Мишка почистил большую картофелину, я её нарезала и поджарила в масле. Чеснок слегка подгорел, но всё равно пахло так вкусно, что мы с Мишкой не выдержали и подъели всё, что не поместилось в мешочек.

Мешочек

восьмой:

табак,

пахнущий

черносливом.

Я сразу сказала Мишке, что это какая-то глупость. Разве можно в мешочек для радости и удовольствия класть что-то вредное для здоровья?! Но Мишка не согласился.

– Дедушка три года назад бросил курить, теперь даже на маму ругается. А раньше у него был любимый табак для трубки, специальный такой. Он даже не сигаретами пах, а вкусно – компотом.

Непонятно только, где нам взять этот компотный табак. Мишка сказал, чтоб я посмотрела на шкафчике у окна. Ничего полезного там не нашлось – только обёртка от шоколадки, четыредохлые мухи и пустая пачка сигарет. Я уже хотела сказать Мишке, что там ничего нет, как вдруг заметила, что рядом с мухами валяется сломанная сигарета. Ну да, всё правильно: капля никотина убивает лошадь, а от обычной сигареты, которую даже не закурили, погибают мухи. Кошмар.

Мы выпотрошили пыльную сигарету на блюдечко. Потом добавили туда кусочек мелко нарезанного чернослива. Перемешали. Мишка принялся и сказал, что пахнет как дедушкин табак, даже ещё лучше.

Мешочек девятый: *сено.*

Это была ещё одна сумасшедшая Мишкина идея. Ну где мы возьмём сено в городе, ещё и зимой?! Но Мишка упёрся:

– Мне дедушка рассказывал, как они в детстве спали на сеновале. Он, между прочим, об этом до сих пор вспоминает!

Если бы Мишка сказал про сено раньше, можно было бы поискать траву в кабинете биологии. Они там всё время что-то выращивают. А так...

И тут я сообразила:

– Мишка, надо к Соне бежать!

– Зачем? – удивился он.

– Ты что, забыл?! У неё же кот супер-пупер-породистый. Для него корм нужен какой-то особенный и трава – даже зимой. Помнишь – у Сониной бабушки длинные ящики на подоконнике?

Соня долго не могла понять: зачем нам кошачья трава, если мы хотим сено? И зачем нам сено, если мы делаем подарок для дедушки? В конце концов она сунула Мишке пакет с

тоненькими зелёными травинками и сказала, чтобы мы быстрее уходили, а то бабушка вот-вот проснётся и ей влетит.

Мы вернулись к Мишке. Я высыпала тонкие травинки на стол, положила на них листок из тетрадки и гладила горячим утюгом до тех пор, пока травинки не превратились в настоящее сено. Я завязала мешочек шерстяной красной ниткой и дала Мишке понюхать.

– То, что надо! – сказал Мишка.

Мешочек десятый: *варежки и снег.*

Этот подарок придумала я. Вспомнила, как дедушка рассказывал, что был чемпионом по снежкам. И сразу представила, как он в детстве приходил домой: на шерстяных варежках таял снег, а маленький дедушка грелся на кухне и пил горячий чай с тремя ложками сахара...

Этот мешочек мы не стали делать из марли. Мишка нашёл голубой шерстяной носок с дыркой на пятке, отрезал от него всё ненужное, и у нас получился отличный вязанный мешочек. Теперь осталось найти снег.

– Ну ты и придумала, – бурчал Мишка. – Этой зимой найти снег ещё труднее, чем сено. Где мы его возьмём?!

И правда, где зимой отыскать снег? Конечно, в холодильнике! Вернее, в морозилке.

Мы наковыряли вилкой целый сугроб и засунули его в наш мешочек.

Наконец все подарки лежали на столе. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Девять Мешочков для Радости и Удовольствия.

Последний, десятый мешочек мы оставили в морозилке – чтобы не таял раньше времени.

ЁЛОЧНЫЙ АБАЖУР

(ДЕЛАЕТСЯ ТАК)

Нам покажутся: еловые ветки, толстые нитки или тесьма, перчатки, чтобы не уколоть пальцы; стреловидка или крепкий стул. Если вы такого роста, как Женя, — можете просто встать на цыпочки или прикнести книжечку табуретку.

К шнурку, на который прикрепилась лампа, одну за другой привяжите еловые ветки. Когда абажур спрячется под шалашом из веток, обмотайте шнур ленточкой или зелёными шерстяными нитками.

Секрет: если нежного обстругать основные ветки и обмакнуть его в растопленный воск, шалки долго не будут осыпаться.

— Теперь самое главное, — сказал Мишка.

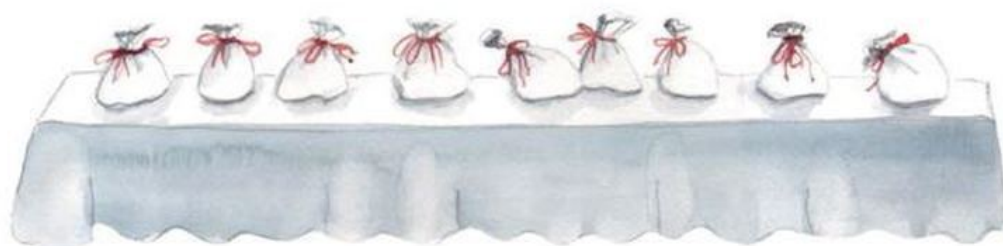
— Самое главное? — удивилась я. — Но ведь самое главное мы уже сделали. Новый год — это же подарки...

— А про ёлку забыла? — возмутился Мишка. — Я дедушке вчера сказал, что мы для него Новогодний Сюрприз придумали, так он всё утро об этом вспоминал. Даже простокваши съел... чайную ложку.

Не представляю, как можно из елового букета снова собрать целую ёлку. Это же не «Лего», чтобы его разбирать и опять складывать.

Но Мишка, оказывается, уже всё придумал.

— А мы и не будем собирать ёлку, — сказал он. — Мы сделаем Ёлочный Абажур... То есть это ТЫ его сделаешь.

Всё получилось так быстро, что дедушка даже не проснулся.

И наше с Мишкой шипение ему не помешало.
– Держи!
– Да не туда!
– Ой, колется!
– Привязывай быстрее!

Мы очень старались не шуметь. Даже из комнаты вышли на цыпочках. Мишка был весь в иголках, как ёж.

На кухне он отряхнулся и сказал, что после ёлочного абажура нужно обязательно съесть ёлочный бутерброд.

– Это как? – удивилась я.

– А это такой специальный бутерброд. Очень острый. Прямо... колючий.

Мишка съел два ёлочных бутерброда.

Я подумала – и решила, что мне хватит укропа с кефиром.

А Ветке понравился несолёный хлеб со сметаной.

– Пора дарить подарки, – сказал Мишка, – а то наша картошка засохнет, а снег растает.

– Мишка, а как мы их будем дарить? Как Дед Мороз и Снегурочка?

Я стояла у окна. Мишка сидел на табуретке. Он поднял голову, смерил меня взглядом – длинным, как линейка. И хмыкнул.

Я разозлилась! Получается, лопоухий Мишка безо всякой бороды – вполне себе Дед Мороз. А я чего, самая ужасная Снегурочка, что ли?!

– Знаешь, Мишка... – Я прямо булькала от возмущения. Но Мишка меня перебил:

– Знаю. Мы будем пионерами.

Я даже спросить ничего не успела, а Мишка уже тараторил:

– Пионеры – они же всем помогают, правильно? И дедушке помогли. Если бы не они, может, он в бабушку и не влюбился бы! А мы будем такие пионеры... самые главные. Помощники Деда Мороза!

Ветка доела хлеб и залаяла.

– Правильно, – кивнул Мишка, – и Ветку тоже в пионеры возьмём. Деду Морозу помогают олени, а у нас будет Пионерская Такса.

Мишка притащил Букварь, по которому училась ещё тётя Оля. Там на каждой странице были нарисованы пионеры. Они сажали деревья, поливали цветы и мыли полы. И как они умудрялись оставаться такими чистенькими – не понимаю!

– Мишка, белые рубашки мы найдём. А красные косынки на шею где взять?

Мишка выскочил из кухни так быстро, что сбил на бегу табуретку. Ветка даже не успела сказать «гав», а он уже вернулся. В руках у него был красный пододеяльник.

Когда он взял ножницы, у меня по спине побежали мурашки.

– Мишка, а твоя мама...

– Ну она же сразу не заметит. А потом я заплатки пришью.

– А заплатки из чего сделаешь?

– Из чего, из чего!.. – пробурчал Мишка. – Из другого пододеяльника! Нечего меня пугать. Лучше помогай – быстрее будет.

Белая рубашка для Мишки нашлась легко. Он просто взял её из шкафа со школьной одеждой.

А мне пришлось сбегать домой и надеть папин больничный халат. Я посмотрела на себя в зеркало. Получилось неплохо, только руки торчали из коротких рукавов.

– Нормально, – одобрил Мишка.

Он уже вырезал три красных треугольника. Два больших – нам. И один маленький – Ветке.

Ветка не любит, когда ей что-то завязывают на шее, но у нас получилось её уговорить. Мишка ещё хотел повесить ей на спину подарки, чтобы она была не хуже дед-морозовского оленя. Но Ветка решила, что мы совсем обнаглели, и цапнула меня за палец.

– Ничего, – сказал Мишка, – пускай просто бежит рядом.

На пороге дедушкиной комнаты мы остановились.

Мишка прищурился, придирчиво осмотрел меня, потом Ветку, одобрительно кивнул и вдруг закричал басом:

– Хо-хо-хо! Здесь живут хорошие дедушки? Пионеры идут, подарки несут!

Дедушка улыбался.

Мы положили подарочные мешочки на красный поднос, который устроили у него на коленях. Мишка специально притащил три подушки, чтобы дедушке было удобнее.

Дедушка вспоминал.

Он перебирал мешочки, подносил их к лицу и вдыхал – глубоко-глубоко. А потом закрывал глаза. Я смотрела, как шевелятся его пальцы – словно разматывают не видимый нам с Мишкой клубок.

Дедушка смеялся.

Оказалось, что Мишка показывает лучше любого телевизора. За секунду он превратился в приставучую бабку в автобусе. Потом изобразил, как я прыгаю вокруг ёлки. А в конце рухнул на ковёр и стал хрипеть, как человек, на которого свалился слон. Хотя на самом деле на него упала семилетняя девочка с еловой веткой в руках, так что можно было хрипеть и стонать потише.

Дедушка удивлялся.

Я рассказала, как мы сделали его любимый табак, а дедушка снова понюхал его и чихнул – четыре раза подряд. У него даже уши порозовели от удовольствия.

Дедушка плакал.

А может, это был тающий снег из шерстяного мешочка? Я так и не поняла...

Дедушка снова взял мешочек с ароматом бабушкиных духов. А потом сказал:

– Такие духи я купил, когда шёл делать Мариночке предложение...

Я сразу представила это «предложение» – в виде длинного мостика, по которому идёт Будущий Дедушка и волнуется, ведь он не знает, что будет в конце: вопросительный знак, точка или вообще многоточие.

Если я стану писателем, напишу ещё одну книжку про Настоящую Любовь. Только не очень длинную, такую... тоненькую. А потом стану сочинять про что-нибудь другое. Про самолёты или про динозавров. Я ещё не придумала.

Тонкая книжка про настоящую любовь

Каждое воскресенье Будущий Дедушка ездил в деревню на свидание к Будущей Бабушке. Через полгода она вернулась обратно в город, и они стали встречаться четыре, потом пять и наконец – шесть раз в неделю. Однажды Будущая Бабушка испекла пирог и пригласила в гости Будущего Дедушку. А Дедушка решил, что он не просто придёт есть пирог. Он придёт и скажет, что от любви потерял аппетит и сон и теперь хочет жениться на Будущей Бабушке,

чтобы видеть её каждый день. Он сочинил длинную речь в стихах, погладил рубашку и даже купил Бабушке её любимые духи Шинель.

До встречи оставалось два часа. Дедушка бегал по дому и волновался. И тут он вспомнил, как его мама говорила: стирка всегда успокаивает. И чтобы успокоиться, Дедушка постирал носки.

Но через час он понял, что совершил СТРАШНУЮ ОШИБКУ. И заволновался ещё больше. Потому что у него было только две пары носков. Одна дырявая. А вторая – та, что висела на батарее, – мокрая.

Зимой, в мороз – в мокрых носках... Ну уж нет! Вдруг он заболеет и Будущая Бабушка решит, что ей не нужен такой чахлый муж.

Тогда Дедушка решил примерить дырявую пару. То, что он увидел, ему совсем не понравилось. Носки были чёрными, а из дырок торчали розовые пальцы.

Вы скажете – дырки можно зашить. Но Дедушка был студентом. Он жил далеко от дома, и никаких ниток у него не водилось.

Можно купить новые носки. Но у Дедушки не было денег, потому что он всё потратил на духи Шинель.

Конечно, он мог не пойти в гости к Будущей Бабушке. Но тогда не получилось бы никакой истории про Настоящую Любовь.

И тут Будущему Дедушке пришла в голову ГЕНИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ. У него не было денег, не было ниток. Зато были акварельные краски: Будущий Дедушка любил рисовать. Он быстро закрасил торчащие пальцы и побежал на встречу с Будущей Бабушкой.

Дома у Бабушки жил большеухий лохматый пёс. Дедушка сразу его погладил – чтобы показать, как он любит животных. Потом они ели вишнёвый пирог. Псу тоже достался кусочек, и он, чавкая, жевал его под столом.

Дедушка продолжал волноваться – так сильно, что у него заурчало в животе. Чтобы успокоиться и заглушить урчание, он съел большой кусок пирога. А потом ещё один.

Пёс под столом тоже волновался. Он ведь не знал, зачем к ним пришёл этот большеухий лохматый человек. Пёс быстро проглотил свой кусок пирога. В животе у него тоже урчало, но никакой еды вокруг больше не было. Он куснул Бабушкин тапочек – и сразу получил по носу. И тут пёс увидел НОГИ. А на них – чёрные носки. По носу ему ещё никто не дал. Значит, можно попробовать, какой носок вкуснее – левый или правый.

Будущий Дедушка ничего не мог сделать. Только дёргать ногой под столом – то левой, то правой. И доедать четвёртый кусок пирога. Он давно хотел сказать Будущей Бабушке о своей любви. Но стихи он забыл, а говорить про потерянный аппетит было бы странно.

И всё-таки он решился: вскочил, весь усыпанный крошками, и закричал на всю комнату:

– Марина! Я вас люблю и... это... в общем...

Тут он вспомнил, что всё это нужно делать не так, а красиво опустившись на одно колено – как в кино.

– Марина! – повторил Будущий Дедушка, отодвигая стул. – Я вас...

Он уже стоял перед ней, и Будущая Бабушка покраснела, и опустила глаза, и уже была готова сказать ему «да»... Но вместо этого она сказала: «Ой!»

Будущий Дедушка решил посмотреть, что же её так удивило.

И увидел. Чёрные носки. Розовые пальцы, торчащие из дырок. И довольный лохматый пёс... с чёрным-чёрным языком! Наверное, он подумал, что акварельная краска – отличное дополнение к вишнёвому пирогу.

Здесь можно было бы ставить точку. Если у тебя дырявые носки, как уж тут говорить о Настоящей Любви!

Но Будущая Бабушка была не только умной, красивой, быстрой и смелой. Она была ещё и решительной.

Поэтому... **ОНА САМА СДЕЛАЛА ДЕДУШКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!**

– А что было дальше? – спросила я три раза подряд, но Мишка не отвечал.

Дедушка тоже молчал. Никогда не видела, чтобы люди засыпали так быстро. Он лежал на боку и тихонько посвистывал – как закипающий чайник. Я заметила красную шерстяную

нитку у него под щекой. Наверное, там прятался мешочек с ароматом бабушкиных духов. Я встала и на цыпочках пошла к двери. Пол заскрипел, и Мишка вздрогнул – как будто он был совсем далеко, а теперь вернулся и увидел меня.

– Мишка, что было дальше? – шёпотом повторила я.

– Как что? – удивился Мишка. – Свадьба, конечно!

Домашку на понедельник я сделала кое-как. Папа вздохнул над буквой «ю» в моей прописи и сказал, что лучше бы я писала помедленнее. Но я решила, что и так сойдёт.

После ужина я достала свою волшебную тетрадку. Нарисовала один ряд снежинок, а потом карандаш сломался.

Может, Анька права? Не будет никакого Деда Мороза, потому что снег так и не выпал. И подарков не будет. И вообще, волшебная тетрадь со снежинками – это глупости, игрушка для доверчивых малышей.

Я швырнула тетрадку, и она улетела куда-то за кровать. Ну и пускай там лежит вместе с клубками пыли, конфетными фантиками и старым носком.

Я вдруг поняла, что ужасно устала.

Всё стало каким-то тяжёлым: голова, руки... даже мысли.

Я влезла в пижамные штаны, а переодевать майку уже не было сил.

Я слышала, как Аня заглянула в комнату и сказала папе:

– Смотри, она точно спит! Ничего себе, в полдевятого!

Слышала, как папа спросил:

– Жень, ты не заболела?

Я хотела ему ответить, но не успела, потому что усну...

– Откуда я помню, куда его положила?!

Я услышала этот крик и открыла глаза.

Было темно – и в комнате, и за окном. Анька заворочалась в кровати и пробормотала:

– Посмотри в холодильнике...

Она во сне болтает всякую чушь и даже не просыпается.

Я лежала на правом боку, потом на левом. Перевернулась на живот. Сунула голову под подушку. Папа говорит, если не спится, можно считать овец. Я выбрала зайцев – они ещё лучше прыгают. Три, десять, пятнадцать... А если в зайца охотник выстрелит из ружья... или волк нападёт... Тогда заяц что... умрёт?

Умрёт. Раньше это было обычное слово. Ни про кого, просто так. А теперь Мишка взял и сказал его... про дедушку. И всё стало по-другому.

А вдруг с мамой что-то случится в этой командировке? Или уже случилось?! Вдруг она заболела, попала под автобус...

Я не хотела об этом думать! Я даже потрясла головой – изо всех сил, чтобы вытряхнуть дурацкие мысли. Но ничего не получилось. Мысли проплывали мимо, как рыбы в аквариуме. Я их видела, а сделать ничего не могла.

Умирают дедушки, мамы и папы... Даже дети. А если умирают дети, значит... и я...

Мне стало холодно.

– Ань... Аня-я-я! – я звала её шёпотом, потом громче. Но Анька не слышала.

Я осталась одна. Получается, без меня всё может быть точно так же? Папа будет готовить омлет на завтрак, Анька – сидеть в интернете. Без меня изобретут что-нибудь замечательное, будут показывать новые фильмы в кино, Мишка вырастет...

Я лежала на спине и смотрела на светящиеся планеты, которые Анька попросила меня приклеить к обоям – чтобы получилось повыше. Когда-нибудь клей высохнет, и планеты отвалятся. И все забудут, что только я могла дотянуться так высоко – без лестницы, без табуретки.

Слёзы текли так сильно, что у меня стало мокро за ушами.

– Ань... Анька...

В носу у меня что-то булькало, голос охрип. А она даже не пошевелилась под одеялом.

Я больше не могла лежать в кровати совсем одна.

И тут я вспомнила: в четыре года я часто просыпалась ночью от какого-то страшного сна и не могла заснуть.

Сейчас я встану и сделаю то, что мне всегда помогало, когда я была маленькая.

И как это я раньше не догадалась!

Я только открыла дверь – и папа сразу проснулся.

Я даже позвать его не успела.

Диван был разложен. На мамином одеяле валялись журналы и книжки, а папа ютился у стенки.

– Что-то болит?

Я помотала головой.

– А чего ревёшь?

– Боюсь.

– Понятно.

Хорошо разговаривать с доктором – он не задаёт глупых вопросов.

Папа сгрёб с дивана журналы и книжки. Снял с подушки ноутбук, похлопал по одеялу.

И сказал то, что говорил всегда, если я приходила к ним ночью:

– Ну ладно... залезай.

Пока я устраивалась, папа сбегал на кухню и принёс две табуретки и стул. Он поставил их друг за другом, как вагончики, и придвинул к дивану.

Уф-ф-ф, наконец-то я смогла вытянуть ноги.

И всё ему рассказать.

Рядом с папой было тепло и нестрашно. Можно положить голову ему на плечо и почувствовать себя маленькой... Я говорила, говорила, говорила... Потом слова кончились и я немножко поревела, уткнувшись в его зелёную майку. А потом слёзы кончились тоже.

Хорошо, что под подушкой у мамы нашёлся чистый платок.

– Пап, а КУДА человек умирает?

– Что значит «куда»?

– Вот жил человек – здесь... А потом?

– Ну, ТОЧНЫЙ адрес я не знаю. Мне кажется, что тело может умереть, а душа – нет.

– Душа – она внутри? Как сливовая косточка?

Папа задумался.

– Хм... Можно сказать и так. Если косточка попадёт в землю, из неё вырастет дерево...

А может, она окажется далеко... в таких местах, где вообще никто никогда не бывал.

– На другой планете?

– Почему бы и нет? Где угодно... Мы просто не знаем.

Я сползла ещё ниже, чтобы спрятаться головой папе под мышку. Теперь я была как птенец под крылом. Такой великанский птенчик с красным распухшим клювом. Жалко, что мамино одеяло на всю мою длину не хватало. У меня совсем замёрзли ноги... То есть лапы.

– Пап?

– Ну?

– Не бывает ведь сливы без косточки, правда?

– Угу...

– Значит, косточка не может просто взять и исчезнуть – раз она есть...

– Раз она есть – точно не может... Кстати, я хочу ЕСТЬ. А ты?

Ну и дела! Папа всегда говорил, что, если почистил вечером зубы, надо спать, а не совать нос в холодильник!

– Короче, я пошёл добывать бутерброд с колбасой. А тебе на хлеб что положить? Сыр, селедку, варенье?

Есть селедочный бутерброд ночью, в кровати, рядом с папой... У нас на диване будет настоящее гнездо, и он принесёт мне еду!

– Пап, а разве так можно?!

Знаете, что сказал папа? То же самое, что всегда говорит Мишка:

– А мы никому не расскажем.

Я проснулась – в комнате было светло.

Нет, не так. Светлей, чем обычно.

Может, потому что диван стоял рядом с окном? Я отодвинула занавеску. Весь двор был завален снегом. Ветки деревьев, машины, скамейка и горка. Хлопья снега летели вниз – как по косой линейке в тетради. Маргарита Романовна точно поставила бы этому снегопаду «пять» – за правильный наклон! А вдруг Мишка ещё дрыхнет? Надо скорей рассказать...

Я выбежала в коридор, схватила телефонную трубку.

– Мишка! Ты видел? Там снег! Там столько! Пошли гулять – прямо сейчас!!! Мишка, ты чего молчишь...

– Жень... – Голос у Мишки был такой странный, как будто я и правда его разбудила. – Жень, а у нас ночью дедушка... умер.

И гудки.

Я стояла у окна. Смотрела на снег и не плакала. Я столько ревела ночью, что больше уже не могла. Дедушка умер. Выпал снег. Значит, к нам сможет прийти Дед Мороз. А ещё вечером приедет мама!

Разве может быть, чтобы грустные и радостные мысли появлялись одновременно?

В комнату заглянул папа и сказал, что у нас кончился хлеб.

Хорошо, что Анька ещё не проснулась. Я сразу решила, что сбегая в магазин сама. Быстро оделась, взяла пакет, открыла дверь.

– Привет!

На пороге стоял Мишка. В тёплой куртке, шапке и разных варежках. Одна была синяя, вторая – коричневая.

– Мишка, ты откуда? – удивилась я.
– Ну... Ты же сама позвонила: пошли гулять.
Я и пришёл, как ты сказала, – прямо сейчас!

Мы бежали до булочной и бежали обратно. Бежали вверх по лестнице, а потом вниз. Бежали через двор, через дорогу и дальше – до парка.

Нам уже было трудно дышать, но от этого сумасшедшего бега становилось легче. Снег набился в ботинки, джинсы промокли.

– Женька, стой!

Здесь начинался склон, и бежать было бы проще. Но Мишка остановился.

– Смотри, классная горка!

Снег, снег, снег. Деревья внизу. И никаких следов. Мы первые пришли в этот парк.

– Мишка, мы дураки... Ледянки забыли!

– Подумаешь! Вот! – Мишка улёгся на снег, повернулся на бок и колбасой покатился с горки, наматывая на себя мохнатые сугробы.

Интересно, а у меня так получится?

Я догоняла Мишку. Земля-небо-земля-небо... Белое небо превращалось в белую землю, и я уже не могла различить, что мелькает перед глазами.

Потом небо остановилось и оказалось вверху.

Я лежала и смотрела, как падает снег. Все нарисованные мной снежинки. Целая тетрадь.

– Жень...

– А?

– Правда здорово?

– Ага. Только у меня попа мёрзнет.

– Нет, Женька, ты не принцесса.

– У принцесс не мёрзнут попы?

– Просто они об этом не говорят.

Я бросила в Мишку снежок. Пора вставать, пока мы не превратились в сугробы.

Из-под снега торчала ветка с красными ягодами. Я оторвала одну, смяла пальцами. Понюхала. Дала Мишке.

Такой странный запах – сладковатый и горький одновременно.

Дедушке бы понравилось.

История восьмая

Дело о клетчатой сумке

На каникулах все дни сливаются в бесконечное воскресенье. Просыпаешься и не можешь понять – сейчас понедельник? Вторник? Четверг?

И только один день я никогда не перепутаю с другими...

Я ещё не открыла глаза, даже не проснулась как следует, а уже точно знала – сегодня среда. Именно поэтому с кухни доносился запах тушёной капусты. Сразу понятно – папа жарит котлеты.

Вы спросите – почему в среду наши котлеты пахнут капустой? И вообще – что всё это значит?!

А я отвечу: это же элем... Элементарно!

Главное – не забывать про дедукцию!

Эти красивые слова я повторяла шёпотом каждый день.

Только фамилию актёра, который играет Шерлока Холмса, я ещё не научилась выговаривать без запинки. А вот у Аньки – получается. Она даже его портрет повесила над письменным столом. Мы уже посмотрели шесть серий, и папа пообещал, что скоро скачает новый сезон. А пока я каждый день тренируюсь, чтобы не забывать, чему научилась.

Дедуктивный метод простой. Главное – внимательно смотреть по сторонам и всё запоминать.

Вот, например. Утром папа бывает дома только два раза в неделю. По воскресеньям он отсыпается. Нам даже к обеду не всегда удаётся его разбудить. Зато в среду папа вскакивает раньше всех, потому что запасы воскресного сна у него ещё не кончились. Он готовит нам на обед что-нибудь вкусное – печёт блины или жарит котлеты. Он поёт и гремит сковородками. Так что если вы приехали к нам погостить и проснулись от шума и песен, знайте – это среда.

Ну, с днём недели понятно, скажете вы. А при чём здесь капуста?

Ничего сложного и тут нет.

В нашей семье терпеть не могут тушёную капусту. Её ненавидят все, кроме папы. Только он может выносить её ужасный запах. Зато папины котлеты мы готовы есть хоть три раза в

день. Знаете, как здорово примчаться на кухню и цапнуть горячую котлету, только что снятую со сковородки? А потом ещё одну! Анька, я, мама, потом снова Анька...

Бедный папа! Он жарил котлеты к обеду, а мы съедали их, не дожидаясь завтрака. Тогда папа придумал хитрость. На одной сковородке он готовил котлеты, а на другой – тушил свою ужасную капусту. Это был гениальный план! Запах капусты, как щит, надёжно закрывал вход в кухню. Никому не хотелось к ней подходить. Даже Ветка пряталась от этого запаха под диван. И только я (с помощью дедукции) разгадала папин секрет. Теперь я могу награждать себя котлетой за мудрость. Просто нужно дождаться, пока папа уйдёт в комнату, замотать нос шарфом и утащить самую поджаристую, самую большую... В общем – самую-самую.

Я уже кралась в сторону кухни – и тут зазвонил мобильник. Будь на моём месте Шерлок, он сразу бы догадался, кто ему звонит и зачем. Но я ещё так не умею. Поэтому пришлось бежать к телефону.

– Женька, хватай какую-нибудь еду и приходи! Колбасу бери... или сосиску... Только быстрее! – Мишка так орал, что у меня зазвенело в ухе.

– К тебе приходите? – удивилась я.

– Зачем ко мне! Беги к маленькой горке у старых домов. Только прямо сейчас. Она... она даже на ноги уже не встаёт... – Мишка хлопнул носом и отключился.

Я так торопилась, что забыла вареники. Пришлось греть руки котлетами. Я перекладывала тёплый пакетик то в левую, то в правую руку и думала: интересно, кто эта ОНА, про которую говорил Мишка? И почему ЕЙ так срочно понадобилась еда?

Ещё чуть-чуть, и будет горка у старых домов... Что Мишка там забыл?

Старые дома стояли на краю парка, у спуска к реке. Когда-то здесь была деревня Малявки, а потом город вырос, и яблоневый сад, окружавший деревню, превратился в парк со скамейками. Почти все жители старых домов переехали в многоэтажки. Только в коричневом и в зелёном доме ещё, кажется, кто-то жил...

Мишку я увидела издалека. Он махал мне лыжной палкой и что-то кричал.

– ...рей... рей... – долетел до меня его голос. Бежать по глубокому снегу было неудобно. Я вспомнила фильм, где цапля ходила по болоту, и решила попробовать двинуть навстречу Мишке такими же гигантскими шагами.

– Скорей! – С каждым прыжком я слышала Мишку всё лучше.

Конечно, хорошо стоять на лыжах и давать мне советы. Попробовал бы сам тут побегать.

Огромный шаг – и моя нога провалилась в сугроб, зацепилась за невидимую в снегу ветку... Я рухнула прямо под ноги Мишке.

– Во даёт!

Рыжий Глеб из четвёртого «Б», серьёзный Никита по прозвищу Кит и его младший брат Костик-Хвостик удивлённо таращились на меня.

– Ты длиннее, чем папины лыжи, – сообщил Костик-Хвостик. Он был щекастый, розовый, с длиннющими шёлковыми ресницами. Такие бывают у красавиц в рекламе по телевизору. Старушки всегда гладили Костика по голове и вздыхали: «Какая прелесть!» Правда, когда Костик начинал говорить, никто не звал его «прелестью». Голос у Костика громкий и даже немножко скрипучий. Он приделан к нему, как хвостик от совсем другого зверька.

– А ты умеешь лампочки без табуретки закручивать? – поинтересовался Костик. Надо вставать, пока он не задал главный вопрос: правда ли мой папа баскетболист.

Я отряхнула снег, подняла упавшую шапку.

– Котлеты не потеряла? – заволновался Мишка.

Нет чтобы спросить – вдруг я ударилась?!

Кит уже развязывал пакет:

– Ещё тёплые... Я бы такую ТОЧНО съел! Мишка, думаешь – возьмёт?

– Может, объясните, в чём дело? – разозлилась я.

– Смотри сама, – буркнул Глеб.

Тропинка, ведущая к старым домам, спускалась с горки – невысокой, как раз для малышей или тех, кто только учится кататься на лыжах. Внизу, уткнувшись головой в клетчатую сумку, спала собака – серая, как пыль под кроватью. На вторую сумку намело сугроб.

– Она уже три дня тут лежит, – вздохнул Кит. – Мы и сосиски таскали, и колбасу. Не берёт.

– Я знаю, она раньше вон в том зелёном доме жила, – Хвостик ввинтился между Мишкой и мной и затараторил, глотая слова. – А потом все оттуда уехали. Мы кататься пришли – а она тут. Я звал – а она не слушается.

– Никуда она не пойдёт, – вздохнул Кит. – Она сумку охраняет.

– А зачем её охранять? – удивилась я.

– Набросали туда какой-нибудь ерунды, а собаке сказали стеречь. Вот она и рычит на всех. И еду у чужого не возьмёт, и не уйдёт никуда, – голос у Глеба стал хриплым от злости. – Её бросили, а она – все правила соблюдает. Жи-ши пиши с буквой «ы»...

Я много раз видела Глеба в школе, но мы никогда не разговаривали. Он вообще не стоял на месте – всегда прыгал, размахивал руками, выскакивал из-за угла. Его рыжие волосы торчали в разные стороны – как будто у него на голове горел маленький костёр. И вот теперь Глеб сидел на корточках, совсем непохожий на себя – тихий, какой-то потухший.

Кит бросил вниз половину котлеты. Она приземлилась прямо на сумку, но собака так и не открыла глаз. Вокруг неё было полно еды – замёрзшей, засыпанной снегом, нетронутой.

Я представила, как она стережёт никому не нужную сумку, как на её тёплую серую спину падает снег, и все, кто играет в парке, расходятся по домам, а она остаётся, и небо над ней становится чёрным... Во рту стало горько – как будто я откусила большущий кусок лука.

– Мишка, это же... убийство какое-то! Мы что, будем просто стоять и смотреть?!

– Можешь просто сидеть, – разозлился Мишка. – Откуда я знаю, как её отсюда выманить. Я что, дрессировщик?!

– Если бы хозяйку найти... – вздохнул Хвостик.

Никто не обращал на него внимания. И только я поняла, какую важную вещь он сказал.

– Точно! Мы сумку достанем. А по вещам, как по уликам, вычислим, кто хозяин!!!

Мишка, Глеб и Кит одновременно повернулись и уставились на меня. А Костик-Хвостик так запрокинул голову, что чуть не свалился в сугроб.

– Это ты здорово придумала, – кивнул Глеб. – Если постараться, мы сумку лыжной палкой подцепим. Нужно только придумать этот... отвлекающий манёвр.

– Я буду манёвром! – обрадовался Костик-Хвостик. Наконец-то и для него появилось дело. – Послушайте! У меня даже свисток есть – вот. Я его на два «киндера» выменял!

– Ещё минута – и у меня голова лопнет, – простонал Глеб.

Костик свистел. Собака лаяла. Она даже встала и теперь пыталась цапнуть зубами красные варежки на верёвочке, привязанные к лыжной палке. Наверное, думала, что кто-то очень

хитрый и шумный пытается украсть клетчатую сумку. Она так сердито её защищала, что совсем не обращала внимания на то, что происходит у неё за спиной.

А у неё за спиной Кит, Глеб, Мишка и я добывали улики.

– Главное, не трусь и делай всё быстро, – сказал мне Мишка.

Ну да. Это как на контрольной по устному счёту – когда нужно успеть сложить все цифры и записать правильный ответ. Как только Маргарита Романовна говорит: «Дети, будьте внимательны и не волнуйтесь», я сразу начинаю волноваться и что-нибудь забываю.

Сейчас нужно было сложить меня с лыжной палкой и прибавить ко мне Кита, Глеба и Мишку.

Я легла на живот и стала сползать с горки, помогая себе локтями и коленками. Мишка плюхнулся в снег и схватил меня за ноги. Теперь я и Мишку тянула вниз. А чтобы мы не скатились, Кит и Глеб крепко держали его за ботинки.

Лыжной палкой я подцепила клетчатую сумку за ручку, и Кит с Глебом, пыхтя, РЕШИЛИ этот длиннющий пример: сумка + лыжная палка + я + Мишка = мы добыли улики, ура!

Пятась, они вытянули нас, как связку охотничьих колбасок, и упали на снег.

И тут, не сговариваясь, мы заорали:

– Хвостик, выброси свисто-о-о-о-ок!!!

– Это не улики, а мусор какой-то! – мрачно сказал Мишка.

Куча бумажек, флакончики с засохшим лаком, старые тюбики помады, коробки от краски для волос, какая-то сиреневая тряпка...

– Да уж. – Глеб вытащил журнал с голубоглазой красавицей на обложке, прочитал название и хмыкнул. – «Жизнь звёзд». Мы чё, будем хозяйку по звёздам искать, как эти самые... гороскопы?

– Не гороскопы, а астронавты. То есть... тьфу... астрологи, – солидно сказал Кит. Он был похож на профессора – серьёзного, с аккуратным кругленьким животом. Только синий от холода нос портил впечатление.

– А может, это очень ВАЖНЫЙ мусор, – обиделась я. – Никакие детективы так сразу не говорят! Нужно внимательно всё посмотреть.

Глеб дышал на замёрзшие пальцы.

У Костика-Хвостика из носа текло.

– Ладно, – сказал Мишка, – пошли ко мне. Там разберёмся.

Мы вытряхнули сумку на ковёр в Мишкиной комнате.

– Нужно смотреть очень внимательно, – сказала я. – Тут без дедукции не обойтись. Глеб и Кит уставились на Мишку, как иностранцы на переводчика.

– А, – махнул он рукой, – она этот сериал про Шерлока все каникулы смотрит!

– Это где Крамбер... Камбер...

– Бэтч, – кивнул Мишка.

– Ну и о чём тебе это говорит? – Глеб щёлкнул по флакончику с розовым лаком. Я задумалась.

– Вот, смотри... Таких флакончиков – четыре. И все одинаковые. Значит, хозяйка собаки – женщина, которая красит ногти ярко-розовым лаком. И ещё она плохо его завинчивает – лак ещё не кончился, просто засох, и она уже покупает следующий, точно такой же.

– Наверное, у неё длинные ногти, – задумчиво сказал Мишка.

– А ещё помада. – Я открыла тюбик. – Тоже ярко-розовая. И в других тюбиках остался почти такой же цвет. У нас уже есть две улики – мы знаем, какого цвета у неё губы и ногти!

– И волосы. – Кит вытащил коробку с улыбающейся блондинкой и прочитал: – Ледяной блонд.

– И что? Будем искать тётку с ледяными волосами и розовыми ногтями? – недоверчиво спросил Глеб. – Думаешь, она такая одна в городе?

Кит задумчиво перебирал валяющиеся на ковре бумажки.

– Это всё проездные. На трамвай. Значит, она с этими ногтями, губами и волосами ездит в трамвае каждый день. На работу, наверное.

– А по дороге читает журналы «Мир звёзд». Вон их тут сколько – целая куча.

– Смотри, какая одежда, – засмеялся Костик-Хвостик, вытягивая сиреневую тряпку. – Её, наверное, собака жевала.

И точно – тряпка оказалась фартуком. Весь подол был в дырочках от собачьих зубов.

– Где-то я такие фартуки видел, – нахмурился Глеб. – Смотри, у него ещё подсолнух на кармашке нарисован.

– Трамвай... Подсолнух... Фартук, – забормотал Мишка, глядя стеклянными глазами куда-то в окно. – Точно!!!!!! Если ехать на пятом трамвае – после музыкальной школы остановка. Универмаг «Подсолнух».

– Мишка, ты – гений! – заорала я. – Значит, она работает в этом универмаге!!!

Мишка пошевелил бровями и добавил – так, между делом, чтобы уже окончательно добить меня своей дедукцией:

– Там у продавщиц не фартуки, а халатики – жёлтые, тоже с цветком на кармане. Я в этом «Подсолнухе» футбольный мяч покупал. Так долго выбирал, что проголодался... А на первом и втором этажах кафешки есть...

– Тоже мне важная информация, – фыркнул Кит.

– Между прочим, у тех, кто в этих кафешках работает, такие же фартуки – сиреневые... как черничное мороженое.

Я думала, Мишка сейчас покажет Киту язык. Но он даже не повернулся в его сторону.

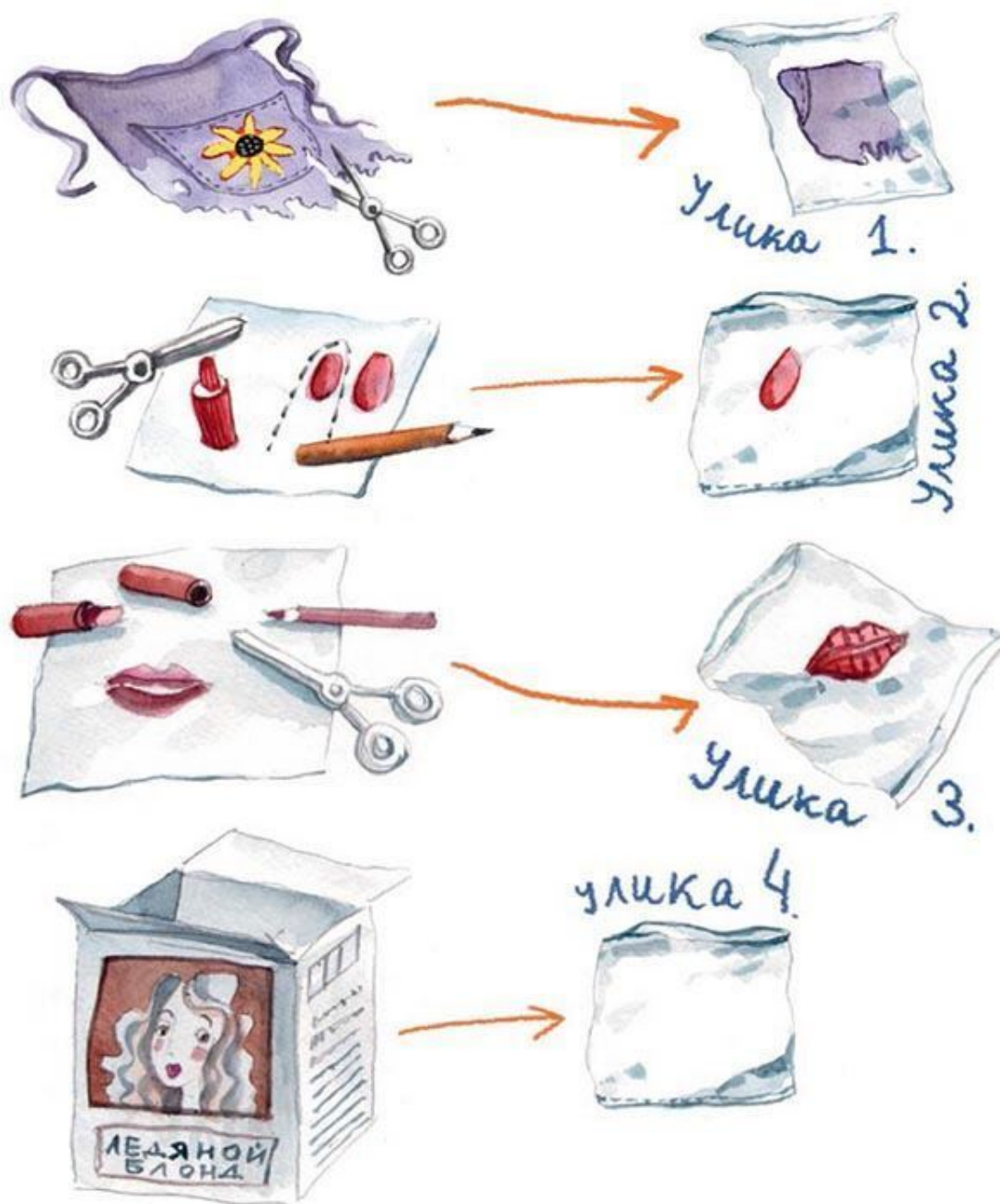
– Мишка, теперь можно составить портрет преступника! Тащи картон! И пакетики для улик!

Я убрала пакеты с уликами в Мишкин рюкзак. Потом взяла папин шарф и завязала его перед зеркалом – так же, как носит Шерлок. Я долго смотрела, как это делает Анька, и теперь кого угодно могу научить. Это легко: нужно просто сложить шарф пополам, а потом в получившуюся петлю просунуть концы. Папин шарф был холодным и скользким, но я решила, что всё равно буду ходить в нём, пока не раскрою это преступление.

– Шерлок всегда находил убийцу. А мы... мы ещё круче. Мы поймаем преступника и это самое убийство пре-дот-вра-тим!!!

Мишка недоверчиво хмыкнул. Вообще-то Ватсон куда больше восторгался Холмсом. Но я решила не обращать на это внимания – всё равно мне нужен помощник. Тем более что Глебу позвонила мама и сказала срочно идти домой, а Костик-Хвостик вдруг разревелся, и Кит повёл его обедать.

Остались только мы с Мишкой. Добудем четвёртую улику – и можно будет ехать в универмаг. А там – отыщем хозяйку, уговорим её забрать собаку, и дело о клетчатой сумке будет закрыто.

Сначала мы зашли в магазин возле нашего дома.

– Разве тут можно найти улику? – бурчал Мишка. – Мы среди этих шампуней и кремов на неделю заблудимся!

Куда девались его английское спокойствие и важность? Он с ужасом смотрел на уходящие вдаль полки с разноцветными баночками, флаконами и коробками.

Если бы у Мишки была такая сестра, как Анька, он бы точно знал, куда нужно идти. Она красит волосы каждый месяц. А перед этим неделю спорит с мамой – какой оттенок ей больше пойдёт.

Я сразу углядела коробку с надписью ЛЕДЯНОЙ БЛОНД. Рядом лежала стопка специальных книжечек, в которых были приклеены ненастоящие волосы разных цветов – чтобы ты мог увидеть, как этот самый ЛЕДЯНОЙ БЛОНД будет выглядеть, когда ты им покрасишься.

Задачу по добыванию четвёртой улики мы решили в четыре действия.

Раз – я прикрыла Мишку от продавщицы.

Два – вытащила из кармана ножницы.

Три – Мишка схватил книжечку с образцами и быстро отстриг прядь волос.

Четыре – и ЛЕДЯНОЙ БЛОНД лежит в пакетике для улики.

– Вам чем-то помочь?

Продавщица подошла к нам так тихо, что Мишка чуть не уронил от неожиданности рюкзак.

Хорошо, что мы успели спрятать пакетики!

– Мы... просто выбирали краску... э-э-э... для бороды её папы, – ляпнул Мишка и сделал круглые глаза.

– Жалко, что не нашли подходящей, и... мы вообще передумали, – я говорила это уже на бегу, волоча Мишку за собой и давясь от хохота.

И всю дорогу, пока мы бежали к трамвайной остановке, я представляла папу. Очень красивого – с бородой цвета ЛЕДЯНОЙ БЛОНД.

В универмаге «Подсолнух» три этажа. Там можно купить всё что угодно – купальник и нарядное платье, шубу и резиновые сапоги, шторку для ванной и футбольный мяч, игрушки, тетрадки и чемодан. А для тех, кому надоело таскать за собой чемодан с покупками, сделали кафе. Их два – на первом и на втором этаже, они даже стенками не отгорожены. Сиди себе за столиком, жуй горячие бутерброды и смотри по сторонам.

В кафе на первом этаже было пусто. Девушка в сиреновом фартуке облокотилась на высокую стойку и закрыла глаза. Кажется, ещё чуть-чуть – и она уснёт. Мы с Мишкой сели за круглый столик, разложили наши улики и стали её изучать.

– Эта нам не подходит, – покачал головой Мишка. – У неё волосы темнее. Точно не БЛОНД.

– И губы у неё не такие. – Я ещё раз посмотрела на УЛИКУ НОМЕР ТРИ, чтобы сравнить. – Ну ни капельки не похоже!

Мы встали на эскалатор и поехали на второй этаж.

Я только увидела лицо над сиреновым фартуком и сразу поняла – это она. Очень худая, с голубыми глазами, прозрачными, как ледышки. С длинными волосами цвета ЛЕДЯНОЙ БЛОНД, причёсанными волосок к волоску. Розовые длинные ногти блестели... Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Она была очень холодной и очень ВЗРОСЛОЙ. Что мы ей сможем сказать?

Мишка толкнул меня в бок. Я сделала вдох и спросила:

– Простите, это ваша собака – там, у старых домов?

Густо накрашенные ресницы опустились и поднялись.

– Ну.

– Понимаете, она там лежит – и еду у нас не берёт. И не уходит ни с кем. Мы звали.

Ещё один взмах ресниц. Белая рука пригладила волосы.

– Н-н-ну?

Я так растерялась, что не могла найти правильные слова. Всё горячее и живое, что я хотела сказать, рассыпалось и замёрзло.

И тут Мишка, мой верный Ватсон, затараторил, как будто боялся, что она его остановит:

– Вы просто её заберите. Ну, отдайте кому-нибудь, её Глеб может взять... Вам нужно только прийти туда и...

Она зевнула – лениво и аккуратно, как кошка.

– Мальчик. Не надо рассказывать, что мне нужно.

Сказала – и отвернулась.

Мы с Мишкой стояли как дураки и не знали, что делать дальше.

И тут появилась продавщица с большими блестящими серёжками.

– Эльвира... Что это у тебя тут за цирк? Прямо великаны и кролики!

Мишка сжал мою руку. Ненавижу, когда на меня так таращатся! Ещё и обсуждают, как будто я глухая. А может, им кажется, что мои уши слишком высоко и я ничего не расслышу?

– А, – Эльвира махнула рукой, – детям делать нечего. Мужёнок мой бывший, когда уходил, собаку оставил. То целовался с ней, с Ритой своей ненаглядной, а тут всё – не нужна. Пока в старом доме жили, ещё ничего, на улицу выпустила – она и гуляет. А я ж в квартиру переехала... Тань, вот скажи, куда мне собаку?

– Да некуда! – согласилась Таня.

– Она мне там всю мебель погрызла, – продолжала Эльвира. – Туфли новые. Сумку сожрала... кожаную.

Она рассказывала всё это спокойно, ровным, каким-то замороженным голосом. Подсчитывала неприятности, как металлические монетки.

– Я её выгнала. А она – обратно приходит. Я домой возвращаюсь – у двери сидит. Ну и чего мне делать? Я эту собаку не заводила. Так теперь – я виновата, что ли?

– Не виновата, – опять согласилась Таня. Она качала головой, и от её блестящих серёжек разбегались солнечные зайчики.

– Вы покупать что-то будете? – вспомнила о нас Эльвира. – Или покупайте, или идите отсюда. Нечего тут всё загораживать.

Она не кричала. Она вообще говорила спокойно и тихо. Но от её голоса у меня замёрзло всё в животе. Да что там в животе, замёрзли даже пальцы в зимних ботинках.

Мы с Мишкой развернулись и пошли к эскалатору. Он ехал медленно. Это была какая-то ненастоящая лестница. По настоящей можно бежать, стуча пятками, перепрыгивать через ступеньки. Настоящая лестница помнит, кто по ней бежит. А эскалатор просто тебя везёт, и ему всё равно. Как Эльвире.

В трамвае мы ехали молча. Уже зажглись фонари, но небо ещё было светлым.

От остановки мы почему-то повернули не к до му, а к парку. Перешли через дорогу, спустились к старым домам.

Ещё издалека я услышала странный звук – длинный и тонкий.

– Ау-у-у-у-у!!!

Мы стояли и смотрели на Риту. Она плакала, не открывая глаз. Наверное, ей не хотелось нас видеть.

– Рита, ко мне!

Я думала, если назвать её имя, она отзовётся, пойдёт к нам.

– Ау-у-у-у-у...

В носу у меня защипало. Ещё секунда – и разревусь.

– Дурацкое имя – Эльвира, – сказал Мишка. – Она такая худющая... Наверно, болеет каким-то вирусом.

– Эльвирусом.

Нет уж, я не буду реветь! Я лучше сделаю так, чтобы Эльвира сама захлопала носом.

– Я эту Эльвирищу ненавижу! Мишка, давай... давай... – я искала, что бы такое сказать, и вдруг придумала: – Давай устроим ей Кошмарный День!!!

– А толку?

– После Кошмарного Дня она сразу поймёт, что с нами лучше не связываться. А мы потом придём и скажем: или у вас будет триста пятьдесят Кошмарных Дней в году, или отдавайте собаку.

– А если нажалуется?

– А мы сделаем так, чтобы нас не поймали.

– Ну да, тебя трудно заметить, – хмыкнул Мишка.

– Скажи, что ты струсил, – разозлилась я. – Глеб точно согласится. И Кит – тоже.

– Не шипи.

Мишка слепил снежок и пульнул его прямо в меня. Хорошенький способ мириться!

– Ты же сама говорила, что я Ватсон. Значит, всё нужно делать вместе. У твоего Шерлока без меня всё равно ничего не получалось!

План был такой: встречаемся в десять утра у входа в универмаг. Я, Мишка, Глеб и Кит.

В пол-одиннадцатого мы стояли в отделе спорттоваров – прямо напротив кафе. Я, Мишка, Глеб, Кит и... Костик-Хвостик.

– Я хотел его с бабушкой оставить, – жаловался Кит, – а он прилип, как пластилин.

Мы спрятались за палаткой и наблюдали. Сегодня Эльвира пришла нарядная, с красивыми белыми бусами и в чёрном платье, таком коротком, как будто она выпросила его у младшей сестры.

– Спорим, она вечером идёт на свидание, – сказала я.

– А ты откуда знаешь? – удивился Глеб.

Ха. Если бы у них были старшие сёстры, они бы сразу всё поняли.

– Элементарно. Нарядная – раз. Всё время пишет эсэмэски – два. А ещё она сегодня выше ростом. А что это значит?

– Что это значит? – послушно повторил Кит.

– Значит, у неё туфли на высоком каблуке. Три признака, что она собирается с кем-то встречаться.

– Кру-у-уто! – Кит покачал головой. На меня ещё никогда не смотрели с таким уважением.

Похоже, с дедукцией у мальчишек неважно. Зато они знают, как достать противную учительницу или соседку по парте. Это у них здорово получается.

Вместе мы придумали три совершенно замечательных Кошмарных Ужаса. Если их сложить – получится настоящий Кошмарный День.

– Спорим, вечером она не захочет ни на какое свидание? – Мишка полез в карман, побренчал какими-то флакончиками и повернулся ко мне. – Операция «Кошмарный День» начинается. Наш выход, Шерлок!

Мы дождались, пока в кафе соберётся побольше народу.

Увидев меня и Мишку, Эльвира скривилась. Как будто у неё за щекой оказалась целая пачка конфет «Суперкислые червяки».

– Н-н-ну?

– Два чая и две булочки, пожалуйста.

Мы устроились рядом со стойкой. Сидеть за маленьким круглым столом оказалось ужасно неудобно. Я всё время боялась, что опрокину коленкой чашку или нечаянно переверну стол.

Мишка достал из кармана крошечный стеклянный флакончик, быстро вылил то, что там было, в чай и посмотрел по сторонам. Наверное, так чувствуют себя актёры в театре – вот они уже на сцене и знают, что сейчас произойдёт что-то УЖАСНОЕ.

А зрители спокойно сидят и ни о чём не догадываются.

Мишка взял булочку, ме-е-е-едленно-ме-е-е-едленно поднёс к чашке... Я замерла. Ещё секунда – и все увидят...

Действующие лица: я, Мишка, Эльвира, другие посетители кафе.

Реквизит: две чашки чая, две булочки, таинственный флакончик.

Мишка (берёт булочку, обмакивает её в чай): Я ужасно голодный! Наконец-то можно поесть.

Достаёт булочку из чашки. Она ярко-синяя.

Мишка (громко): Нич-ч-чего себе.

Я (ещё громче): Синяя булочка? Обалдеть!!!

Мишка (совсем громко): Интересно, что они в этот чай добавляют?

Две женщины, стоящие в очереди у стойки, замолкают.

Бабушка и внук, сидящие за соседним столиком, оглядываются.

Внук: Ба-а-а, я тоже так хочу!!! (Хватает свою булочку и собирается обмакнуть её в чай.)

Бабушка (нервно): Положи на место!

Внук: Хочу синюю булочку-у-у-у-у...

Мишка (держится за живот): Ой... Что-то живот заболел после этого чая!

Бабушка: Вова, не бери в руки эту чашку! (Возмущённо.) Это что ж они в продукты добавляют?! (Решительно отодвигает стул.) Девушка, дайте жалобную книгу!

Первая женщина из очереди: Правильно! Пусть проверка придет!

Вторая женщина из очереди: Пускай разбираются, чем тут кормят!

Эльвира (растерянно): Да я здесь год работаю... Да никогда... никаких...

Бабушка (пишет): Вот, все свидетели, я ничего не выдумываю, пишу как есть. Синяя булочка!!!

Эльвира: Да я...

Я и Мишка незаметно уходим.

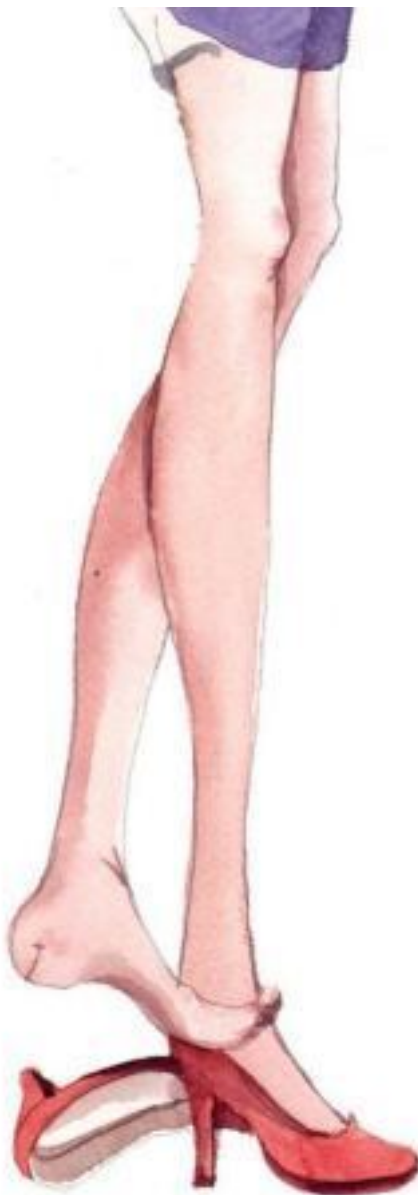
ЗАНАВЕС.

Примечание:
"Реквизит" – предметы, которые
нужны для представления в
театре.

Секрет
Если в чай добавить каплю йода
и обмакнуть туда булочку – она по-
синее.
**НЕ ПЫТАЙТЕСЬ
ЭТО ПОВТОРИТЬ!**

Мы снова спрятались за палаткой. Эльвира нас не заметила – отправляла очередную эсэмэску.

Вообще мы припасли для неё совсем другой Кошмарный Ужас. Но когда я присмотрелась к Эльвире повнимательнее, я поняла, ЧТО мы можем сделать.

– Спорим, ей туфли жмут?

– А ты откуда знаешь? – удивился Мишка.

– Элементарно. Смотри. Вот она высокая – и мрачная. А теперь подожди минутку... Ага! Видишь – стала ниже ростом. И улыбается. Потому что туфли сняла. Она их, наверно, разнашивает... Анька тоже так делает.

– А давай ты после каникул к нам в класс придёшь! – оживился Глеб. – Если ты так здорово в женщинах понимаешь, будешь на переменках рассказывать, кого наша Марьянна вызвать хочет.

– Это будет следующее дело! А пока надо с этим разобраться, – похоже, Мишка почувствовал себя настоящим Ватсоном.

– Правильно, Мишка, – кивнула я, – лучше не отвлекаться. Сбегай на первый этаж, купи сгущёнку – только в таком... тюбике, как зубная паста. И сразу назад.

– И что будет? – спросил Кит.

Ну да, они же ещё не знают, ЧТО я придумала для Эльвиры. Сейчас прибежит Мишка – и начнётся...

Действующие лица: Кит, Мишка-невидимка, Эльвира, посетители кафе.

Реквизит: тюбик со сгущёнкой, новые туфли.

Кит (обращается к Эльвире): Скажите, у вас продаётся печенье, в котором мало сахара? Мне доктор сказал есть такое... ну... низкокалорийное.

Эльвира: Вот (ставит четыре пачки печенья перед Китом). Читай.

Кит внимательно читает надписи на каждой пачке, вздыхает.

К стойке кафе на животе ползёт Мишка.

Кит: Скажите, а может, вафли не такие калорийные? Где больше калорий – в вафлях или в печенье?

Эльвира: Вот (ставит перед Китом пять пачек вафель). Сравнивай.

Мишика почти доползает до стойки кафе. Кит шуришит пакетиками с печеньем и вафлями, что-то бормочет...

Эльвира хмурится, потом незаметно сбрасывает туфли и облегчённо вздыхает.

Эльвира (не глядя на Кита, выстукивает очередную эсэмэску): Выбрал? Сколько можно читать? Здесь тебе что – библиотека?!

Мишика доползает до стойки кафе. Протягивает руку, выдавливает сгущёнку из тюбика в каждую туфлю.

Кит: Скажите, а может, у вас морковка есть? Ну такая, уже почищенная?

Мишика уползает в сторону спорттоваров. За ним наблюдают спрятавшиеся за колонной друзья.

Кит: Или если нет морковки, то капуста. Где больше калорий – в морковке или в капусте?

Мужчина, стоящий в очереди за Китом: Мальчик, давай ты подумаешь, что тебе надо, а я пока закажу кофе. (*Улыбается Эльвире.*) Девушка, а у вас кофе вкусный?

Эльвира (*улыбается*): Ну, для вас выберем самый лучший.

Эльвира влезает в туфли. Рот её открывается, в глазах – ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.